

Глава 8. Внимая словам дяди, Чжюань обретает решимость

Сяо Чжюань и ухом не повёл под выразительным взглядом своего дяди. Проявив изрядное бесстыдство, он сделал вид, будто решительно ничего не замечает. Это не только заставило Гу И в душе бессильно скрежетать зубами, но и помогло расположить к себе Линь Хая. Тот решил, что юноша просто привык заботиться о младших в собственной семье и оттого столь ласков с его Юй-эр. Подозрения господина Линя угасли. В конце концов, Дайюй была ещё совсем малюткой, и видеть в любой любезности скрытый умысел пока не имело смысла.

Древняя мудрость предписывала вкушать пищу в молчании, поэтому, едва слуги накрыли на стол, разговоры прекратились. Когда обед завершился, служанки поднесли чаши с водой для полоскания рта и умывания рук. Лишь после этого, вновь усевшись в порядке старшинства, они приняли чаши с ароматным чаем.

Гу И, долго сдерживавший любопытство, наконец не выдержал и заговорил первым:

— Племянница, твой отец упоминал, что ты уже читаешь «Четверокнижие». Не позволишь ли мне задать тебе пару вопросов?

Дайюй взглянула на отца. Линь Хай лишь едва заметно улыбнулся, не выражая неудовольствия. Девочка послушно поклонилась:

— Юй-эр ещё мала и знания её поверхностны, но если дяде угодно, я постараюсь ответить.

Гу И одобрительно кивнул. Для столь нежного возраста её спокойствие и скромность были редкостью даже среди мальчиков, не говоря уже о хрупкой девочке, выросшей во внутренних покоях. Однако вопрос его оказался отнюдь не простым:

— «Сказать о приведении в искренность своих помыслов значит сказать, что не должно допускать самообмана». Как ты это понимаешь?

Едва прозвучали эти слова, Сяо Чжюань нахмурился. Дядя явно перегибал палку — к чему испытывать столь маленькую девочку подобными философскими премудростями?

Но Дайюй ничуть не смутилась. Она плавно поднялась и ответила певучим голосом:

— Сия строка — из трактата «Великое учение». Смысл её в том, что помыслы человека должны быть чисты и свободны от лжи перед самим собой. Это наставление благородному мужу блюсти добродетель наедине с собой, сохраняя предельную честность разума.

Звук этого нежного детского голоса, изрекавшего глубокие истины, заставил Гу И восторженно закивать. Подобная глубина понимания в её годы поразила бы любого книжника. Закончив, Дайюй кратко спросила:

— Дядя Гу, верны ли мои слова?

— Верно, удивительно верно! — поспешил похвалить её Гу И. — Милая племянница, скажи, кто же обучил тебя этому?

— Отец пригласил для меня учителя, — с улыбкой ответила Дайюй, — но иногда он и сам наставляет меня.

При упоминании учителя Линь Хай нахмурился. В своё время из-за обилия государственных дел он, доверившись рекомендации старого знакомого, не стал слишком строго разузнавать о нравах этого человека. Он полагал, что раз его дочери не нужно сдавать государственные экзамены, то для начального обучения вполне хватит и звания цзиньши. Кто же знал, что этот учитель окажется столь низких моральных качеств?

К несчастью, правда открылась слишком поздно. Прогнать его без веского повода было неудобно перед тем, кто его советовал. Линь Хаю пришлось воспользоваться трауром по покойной супруге, чтобы сократить число занятий Юй-эр, лишь бы этот недостойный муж не успел испортить её чистый нрав.

Дайюй и сама не жаловала наставника, однако сыновнее благочестие и уважение к старшим не позволяли ей дурно отзываться о нём. Она и не подозревала, что отец разделяет её чувства. Заметив, как помрачнел Линь Хай, Гу И сразу понял, что дело нечисто, но расспрашивать не стал, лишь сделал мысленную заметку.

Утомившись после долгого дня, Линь Хай опасался, что дочь переутомится, и поспешил отправить её отдыхать. Самих же гостей, дядю и племянника, слуги проводили в заботливо подготовленные покои.

Едва Линь Чэн откланялся и ушёл, Сяо Чжюань, позабыв о дорожных лах и даже не дождавшись, пока слуги разберут вещи, устремился в комнату дяди. Гу И ждал этого визита. С улыбкой отослав слуг, он усадил племянника напротив.

— Ну что, дядя, как всё прошло? — с порога нетерпеливо спросил Сяо Чжюань.

Гу И бросил на него выразительный взгляд:

— К чему такая спешка?

Сяо Чжюань, прекрасно знавший характер родственника, спорить не стал. Он чинно пригубил чай, терпеливо ожидая, пока дядя заговорит сам.

Сделав глоток, Гу И не спеша произнёс:

— О делах Поместья Нинго Линь Хай ничего не знает. Очевидно, и покойной госпоже Цзя тоже ничего не сообщали. Как бы то ни было, она была отрезанным ломтем — выданной замуж дочерью. Старая госпожа из рода Ши — тёртый калач, она прекрасно понимает, что Линь Хай не станет ввязываться в их грязные игры. Вот они и не думали впутывать семью Линь.

Сяо Чжюань не сомневался в выводах дяди, но всё же с сомнением покосился на него:

— И как же тебе удалось вывести такое? Неужто господин Линь выложил всё напрямую?

Гу И шутливо отвесил племяннику подзатыльник:

— Чепуху не мели. Линь Хай сам попросил меня подыскать для Дайюй наставниц по этикету. Это явный знак, что он желает отдалиться от семейства Цзя. К тому же я давно знаю характер Линь Хая. Когда в столице поползли слухи, я сразу не поверил. А эта поездка — лишь повод заставить замолчать тамошних крикунов.

Сяо Чжюань усмехнулся, хитро прищурившись:

— Значит, ты собираешься написать бабушке?

При мысли о крутом нраве своей матушки, Старшей принцессы Анхэ, Гу И невольно поморщился от надвигающейся головной боли. Помощи просить было больше не у кого. Но, мгновенно переключив внимание, он похлопал Сяо Чжюаня по макушке:

— Довольно увиливать. Отвечай, что ты сегодня натворил?

Сяо Чжюань уклонился от ладони дяди, вернулся на своё место и с самым невозмутимым видом ответил:

— Не понимаю, о чём ты, дядя. Сегодня я лишь немного развлёк сестрицу Юй.

«Сестрица Юй»... Гу И слишком хорошо знал повадки своего племянника. Он усмехнулся и как бы невзначай заметил:

— К слову сказать, ты уехал из столицы уже несколько месяцев назад. Отправлю-ка я письмо с верным человеком, да и тебя отошлю обратно, чтобы матушка-принцесса понапрасну не тревожилась.

Пиала с чаем замерла в руках Сяо Чжюаня. Он уставился на дядю, но тот лишь невозмутимо попивал чай, упорно игнорируя этот пронзительный взгляд.

Быстро взвесив все «за» и «против», юноша понял, что от коварного дядюшки действительно можно ждать чего угодно. Сдавшись, он вздохнул:

— Хорошо, признаю. Мне очень нравится сестрица Юй. Она умна, мила и очаровательна — разве можно её не любить? Да и тебе она, признаться, тоже пришлось по душе.

Гу И нахмурился и посмотрел на племянника со всей строгостью, на которую был способен:

— Чжюань, по-хорошему ты ещё слишком юн для подобных разговоров. Но ты всегда отличался не по годам зрелым умом, так что я спрошу прямо: неужели ты видишь в ней только сестру?

Видя непривычную серьезность на лице дяди, Сяо Чжюань оставил шутливый тон. Помедлив, он ответил:

— Дядя, Юй-эр ещё совсем дитя. Питай я сейчас к ней иные помыслы, это было бы верхом низости. Я лишь хочу уберечь её от невзгод. Что принесёт будущее — я не знаю, но даю слово: я никогда не причиню ей вреда. Это моё обещание.

Хотя Гу И и не понимал, почему племянник так рьяно бросился защищать Дайюй после первой же встречи, настаивать он не стал. Он рассудил, что они оба ещё дети, а сам он, должно быть, просто тревожится понапрасну.

Но угадай он мысли, роившиеся сейчас в голове юноши, его спокойствие мгновенно бы испарилось. До этого момента Сяо Чжюань и сам не задумывался о Дайюй в таком ключе — она ведь была крошечной девочкой, а он вовсе не был чудовищем. Но намёк дяди заставил его взглянуть на вещи иначе. Да, сейчас они дети. Но Юй-эр вырастет. Он вырастет тоже. И в том, что со временем она расцветёт подобно редкому цветку, сомнений не было.

"Неужели я позволю какому-нибудь проходимцу сорвать этот небесный цветок, который сам так бережно оберегал? — Сяо Чжюань мысленно заупрямился. — Ни за что на свете! Лучше уж я сам выращу себе из сестрицы Юй жену"

От этой мысли на губах юноши сама собой расплылась довольная улыбка.

Гу И с подозрением уставился на племянника, чья физиономия вдруг расплылась в хитрой ухмылке, приличествующей разве что пробравшемуся в курятник хорьку. Не выдержав, он отвесил ему увесистый подзатыльник, возвращая к реальности. Опомившись, Сяо Чжюань торопливо стёр с лица мечтательное выражение и вновь принял благообразный вид благородного молодого господина.

Поражённый столь бесстыдным притворством, Гу И лишь рассмеялся и без лишних церемоний выставил племянника за дверь.

После того как Линь Хай навёл порядок среди соляных торговцев Цзяннани железной рукой, в делах надзора воцарилось относительное затишье. На следующее утро он провёл в управе совсем немного времени и, покончив с мелкими делами, рано вернулся домой.

Кто бы мог подумать, что прямо у порога его встретит новость, которую можно назвать благой. А дело было вот в чём: учитель, приглашённый для Дайюй, Цзя Юйцунь, пришёл просить об отставке. До него дошли слухи, что императорский двор готовится вернуть на службу опальных чиновников.

Избавиться от Цзя Юйцуня Линь Хай, разумеется, был только рад. Однако он прекрасно понимал законы двора: для возвращения на службу непременно требовался влиятельный покровитель, и бывший учитель пришёл именно за этим. Отказать напрямую было неудобно, но и помогать беспринципному человеку вновь пробиться во власть совесть не позволяла — такой чиновник лишь принесёт беды простому люду.

Пока Линь Хай колебался в нерешительности, в комнату ворвался слуга с тревожной вестью: молодую барышню напугали невежи из заезжих! Ошеломлённый Линь Хай, забыв обо всём на свете, велел Цзя Юйцуню ждать в кабинете, а сам со всех ног бросился в покои дочери.

Вбежав во дворик Дайюй, он застал там Сяо Чжюаня, который неторопливо беседовал с девочкой, то и дело заставляя её улыбаться. Линь Хай с облегчением выдохнул. Заметив отца, Дайюй сорвалась с места и с криком «Отец!» бросилась в его объятия.

Линь Хай ласково обнял дочь, но, присмотревшись к её лицу, мгновенно помрачнел: глаза малышки были опухшими от слёз.

Заметив, как набежала тень на лицо отца, Дайюй сразу поняла причину. Не желая расстраивать его, она поспешно улыбнулась:

— Отец, третий брат рассказал мне столько забавных историй!

Сдерживая гнев ради дочери, Линь Хай мягко ответил:

— Вот как?

Затем он повернулся к Сяо Чжюаню:

— Чжюань, спасибо тебе. Моя девочка растёт совсем одна, словно отбившаяся от стаи дикая гусыня, а у меня вечно не хватает времени. Я благодарен тебе за то, что скрасил её одиночество.

— Что ты, дядя Линь, к чему благодарности? — вежливо поклонился юноша. — Сестрица Юй столь умна и очаровательна, что проводить с ней время — истинное удовольствие для меня.

Слова эти показались Линь Хаю излишне тёплыми, однако, списав всё на детский возраст, он не придавал им значения. Убедившись, что дочь в надёжных руках, и помня о ждущем в кабинете Цзя Юйцуню, он ласково погладил Дайюй по голове и поспешил обратно.

Едва ступив за порог двора, Линь Хай ледяным тоном спросил:

— Что здесь произошло?

Провожавшая его матушка Линь, понимая, что хозяин едва сдерживает ярость, поспешно поведала обо всём без утайки.

Как оказалось, посланники семейства Цзя, получив решительный отказ отправить Дайюй в столицу, испугались гнева своей госпожи и решились на подлость. Раз уж Линь Хай преградил им путь к девочке, они подкупили одну из чернорабочих служанок, дабы выведать её распорядок дня. Стоило Дайюй сегодня переступить порог своего двора, как челядь семейства Цзя преградила ей дорогу и принялась слёзно причитать, умоляя ехать с ними. Разумеется, их дикие вопли до смерти напугали дитя.

Выслушав её, Линь Хай побелел от ярости:

— Во внутренних покоях полно слуг — они что, ослепли и оглохли?! Как можно было позволить этим наглецам напугать барышню? Паршивку, что продалась им, забить палками — выдать двадцать ударов и выбросить на улицу! Служанок и нянек Юй-эр лишить жалованья за месяц. Если подобное повторится хоть раз, выгоню всех до единого!

Матушка Линь не посмела спорить и лишь покорно склонила голову.

Попытавшись совладать с гневом, Линь Хай рассудил, что корень беды кроется в наглости семейства Цзя из столицы. Упоминание этого имени мгновенно напомнило ему о госте, ожидавшем в кабинете.

"Ради памяти покойной Минь-эр я не желал ссориться с её роднёй, — мрачно подумал он. — Но они перешли все границы. Что ж, раз Цзя Юйцунь ищет покровительства, пускай отправляется к ним. Если они окажутся настолько глупы, чтобы довериться этому проходимцу, пусть пеняют на себя"

Приняв решение, Линь Хай вернулся в кабинет. Цзя Юйцунь, истомившийся от долгого ожидания, не сумел полностью скрыть досаду на лице. Линь Хай сделал вид, будто ничего не заметил, и с вежливой улыбкой произнес:

— Простите, господин учитель, что заставил вас ждать. Возникли неотложные домашние дела.

— Что вы, сударь, не стоит извинений, — поспешил заверить его Цзя Юйцунь.

Линь Хай, не тратя времени на пустые разговоры, продолжил:

— Вы упомянули, что желаете отправиться в столицу ради восстановления в чине. Какое счастливое совпадение! Ввиду безвременной кончины моей супруги, её матушка прислала за моей дочерью слуг. Я не решился расстаться с малюткой, и ныне они возвращаются ни с чем. Вы могли бы поехать вместе с ними. К тому же я напишу рекомендательное письмо моему шурина, дабы он помог вам устроиться.

— Премного благодарен за вашу неизмеримую милость, господин Линь. Осмелюсь лишь спросить, какие чины ныне занимают ваши высокочтимые родственники? Моё ничтожное имя неизвестно, и я боюсь явиться к ним без должной почтительности. — Цзя Юйцунь изо всех сил старался казаться бесстрастным, хотя его сердце трепетало от восторга.

Линь Хай доброжелательно рассмеялся:

— Если вдуматься, они приходятся вам однофамильцами. Это род великого князя Жунго из Цзиньлина. Мой старший шурин унаследовал титул генерала первого ранга, а второй шурин ныне служит помощником министра в Министерстве работ. Он чрезвычайно ценит и поддерживает одарённых мужей, так что отбросьте всякие сомнения.

Рассыпавшись в пылких словах благодарности, Цзя Юйцунь отвесил глубокий поклон.

Спустя несколько дней Цзя Юйцунь вместе с челядью семейства Цзя взошёл на корабль и отбыл в столицу.

<http://bllate.org/book/18189/1752240>